

Зарубежные впечатления: Египет (Хургада), Греция, Турция (Алания) и Украина (Крым).

Зарубежье может быть пленительным. И совсем не важно, о каких рубежах идет речь – о близком и родном, но уже потерянном Крыме, или о колыбели европейской цивилизации – Элладе. Зарубежье становится синонимом сказочного Зазеркалья нашей реальности, где все прекрасно и гармонично. Глядя на заморские пейзажи, невольно поддаешься неге, зачаровываешься реальными образами, яркими, сочными, как ассорти южных фруктов. Есть в них то, что заставляет видеть за реальными вещами нечто большее – сказку, мечту, фантазию. Это розовые очки, которыми автор делится с горожанами. И нет больше пыльных магистралей, очередей, коммунальных платежей. Им на смену приходят шёпот накатывающих на морскую гальку волн, тревожный крик чаек, ворчание бриза, сталкивающегося с препятствием в виде одежды, шелест гравия под ногами. И вот происходит Зябликовой.

Подобно Шахерезаде, художница рассказывает своим зрителям сказки: о белоснежных теплоходах и катерах, пересекающих горизонт, о ресторанчиках под открытым небом, где именно ты – долгожданный гость, о вереницах пальм, образующих своеобразную аллею славы и о многом-многом другом.

Главная ирреальная черта пейзажей – их почти полная безлюдность. И речь идет не столько об изображении ландшафтов, где автор выступает в роли единственного наблюдателя и безмолвного повествователя, но, скорее, о курортных видах. Вот в ресторане отеля, среди обилия алых кресел, маковых стульев и столов, на заднем плане почти теряется из виду одинокий посетитель («В Отеле. Родос»). Почти так же дело обстоит с рестораном в Алании (Турция), где роскошью южного гостеприимства наслаждаются лишь трио едва различимых курортников («В ресторане. Отель Улашар»). Пляжи почти пусты, люди на них буквально растворяются в расслабляющей атмосфере летнего дня. Человек на пейзажах Ирины – неотъемлемая часть окружающей природы, гармоничная ее частичка. А разве не к этому стремится каждый из нас в повседневной жизни?

Пожалуй, единственным исключением, когда человек оказывается на первом плане, является пастельный пейзаж «Отдых на вершине» (крымская серия), где на утесе практически в позе Христа с картины А.Мантеньи, раскинув загорелые руки, отдыхает юноша. Вокруг него – дивный мир из облаков, скал и нереально голубого моря. Эта работа – своеобразная метафора того состояния, когда достигается единство внутренней гармонии с окружающей действительностью. Одиночество здесь воспринимается как благодать.

Еще одной яркой чертой пейзажей художницы является следование концепции «каждое новое место – это новая история». По-барочному пышно выглядит «Вид из палисадника» («Вид из палисадника. Как жарко пахли розы») с роскошными розами на фоне красной рамы окна и зеленых ламбрекенов, вторящих краскам растительного мира. По-японски графично и сдержанно, выглядят зонтики на территории отеля в Хургаде («Зонтики»). По-фовистски экстравагантно разлился по Крыму фиолетовый закат («Фиолетовый закат. Крым»).

Многие виды, написанные Ириной, напоминают открытки, которые принято посылать близким из дальних стран – «из города N с любовью», являющиеся сказочными картинками, привлекающими новых туристов на обетованную курортную землю. Несомненным рекламным эффектом бы обладали пейзажи в форме тондо («Остов Тилос. Греция. Морской порт», «В парке. Мостик.Симферополь», «В горах Эллады. Панорама Фалераки»), а также же лишенные признаков человеческого присутствия виды.

Не менее интересны и натюрморты Ирины Исаковой. Это не столько гимны отпускной «тихой жизни» (still life – английский вариант названия жанра), сколько отражение внутреннего состояния художницы и ее мировоззрения. Большинство натюрмортов Ирины Исаковой лаконичны, сдержанны. Это своеобразные философские размышления о месте человека в мире. В акварельной работе «После купания. Пляжный натюрморт», где происходит соединение жанров натюрморта и пейзажа, на первом плане, на балконе отеля, помещены «портреты вещей», олицетворяющие их хозяйку. А дальше открывается «вид на мир». Правда, мир этот отделен от зрителя перилами, подобно окнам на картинах нидерландских художников, отделяющим Вселенную от частной жизни человека. Таким образом, за героиней остается выбор – находиться в своем уютном убежище или окунуться в притягательное неизвестное за его порогом.

В лиричном «Натюрморте с ангелом» крохотный ангелок спрятался за ширмой из радующих женский взгляд (и отвлекающих внимание на себя) предметов и вещей. Он находится на границе между миром материальным и зазеркальем, которое глубже и содержательнее. Ангел здесь символизирует умение отбрасывать второстепенное, чтобы увидеть главное.

Притягательность экзотических мотивов также находит свое отражение в натюрмортах Ирины. Ориентальными чертами наполнен изысканный «Восточный натюрморт» («Восточный натюрморт. Натюрморт с арбузом»). Несмотря на то, что здесь нет обилия предметов и яств, это настоящий пир для глаз! Насыщенный синий орнамент скатерти, занимающей большую часть пространства, чем-то напоминает мозаики мусульманских минаретов. Композиционным центром натюрморта является дольки спелого, сочного арбуза, цвет которого на Востоке прочно ассоциируются с полнотой жизни. В странах Юго-Восточной Азии этот плод из-за большого количества семян даже считался символом плодородия. А еще арбуз и чай, изображенные на натюрморте – ценные дары Востока, некогда считавшиеся предметами роскоши, которыми ныне может наслаждаться каждый.

Пейзажи и натюрморты Ирины Исаковой не только передают впечатления от путешествий к дальним берегам, чарующим и притягательным, но, главным образом, заставляют вновь и вновь искать свое место в этом огромном мире, учиться «видеть» настоящее сердцем, а не глазами.

Тюменцева Надежда, искусствовед